

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ,

повествующая о том, как последователи ложного учения проявили свое могущество, чтобы унижить последователей истинного учения, и как хитроумная обезьяна, завладев талисманами, победила злых духов

Всей сущностью своей мудра, светла,
Она Великий путь познать смогла,
Мирских цепей легко порвала звенья...
Учиться трудно перевоплощенью,
Бессмертие стяжать — еще трудней,
А выбор судеб предлагался ей.
Где чистота от грязи отступала,
Там и она дорогу избирала.
Прошло уж много калп, — она живет,
Блаженная, годам теряя счет;
Что для нее земные наши сроки!
На Западе она и на Востоке,
И свет, что ею в вечности зажжен,
Сквозь все века пронзает небосклон.

Эти стихи рассказывают о необыкновенном искусстве Великого Мудреца. Итак, вы уже знаете, что, завладев талисманом горного духа, Сунь У-кун спрятал его в рукав.

«Сколько бы ты ни старался, грязное чудовище, — думал он, злорадствуя, — а поймать меня тебе не удастся, так же как нельзя поймать отражение луны в воде. А вот мне поймать тебя так же легко, как растопить лед над огнем».

Проскользнув потихоньку за дверь со спрятанной в рукаве тыквой, Сунь У-кун принял свой обычный вид и громким голосом крикнул:

— Эй вы, духи, открывайте!

— Да ты кто такой? — слышался голос. — И как смеешь здесь орать?!

— Доложи своему паршивому хозяину, что сюда прибыл У Кун-сунь.

Услышав это, дух ринулся в пещеру.

— Почтенный господин! — доложил он. — У ворот стоит какой-то У Кун-сунь.

— Мудрый брат мой, — отвечал сильно встревоженный дух, — ведь это прямо беда! Мы растревожили все его гнездо. Сунь У-кун ведь перевязан золотым шнуром, в тыкве сидит Кун У-сунь, а теперь еще является какой-то У Кун-сунь. Видно, у этого Сунь У-куна есть братья, и все они решили явиться сюда.

— Не волнуйтесь, старший брат мой, — отвечал на это второй дух. — Моя тыква так велика, что вмещает тысячу человек. А сейчас там всего один Кун У-сунь. Так стоит ли бояться какого-то там У Кун-суня? погоди, я сейчас пойду взгляну, кто это там явился, и живо расправлюсь с ним.

— Смотри, действуй осторожно, — напутствовал его первый начальник.

И вы взгляните только! Держа в руках поддельную тыкву, дух, как и в прошлый раз, с надменным видом вышел из пещеры и грозно крикнул:

— Ты откуда взялся? И как осмеливаешься шуметь здесь?!

— А ты почему не желаешь признавать меня? — в свою очередь, крикнул Сунь У-кун:

Мой дом на горе Цветов и плодов,

А родина — грот водяной.

В небесных чертогах я поднял мятеж, —

С тех пор не ходил я войной.

Сейчас наказание снято с меня:

Монаха простой ученик,

Буддистом я стал и смиренно иду

За светом божественных книг.

Но, с дикими духами встретясь, могу

Подействовать силою чар,

Я мира хочу, но могу нанести

Противникам страшный удар.

Не будем сражаться, покой сохраним,

Лишь просьбу исполни мою!

Беда, если ярость проснется во мне:

Тогда вас обоих убью.

Ты Танского должен монаха вернуть,

Чтоб мы продолжали на Запад наш путь!

— Ну-ка, подойди сюда, — выслушав его, сказал дух. — Я не хочу с тобой драться. Скажи мне лучше, осмелишься ли ты отозваться, если я позову тебя?

— Осмелюсь конечно, — смеясь отвечал Сунь У-кун. — А вот сможешь ли ты откликнуться, если я позову тебя?

— У меня есть волшебный талисман — тыква, в которую можно захватывать людей, потому я и спрашиваю, — сказал на это дух. — А у тебя что есть?

— У меня тоже есть тыква, — отвечал Сунь У-кун.

— Ну-ка, дай я посмотрю!

— Вот, гляди, мерзкая тварь, — сказал Сунь У-кун, вынимая из рукава тыкву. Но, повертев ее в руках, он снова спрятал тыкву, боясь, как бы дух не вырвал у него талисман. Увидев тыкву, дух не на шутку перепугался.

«Откуда он взял ее? — раздумывал дух. — Ведь она точь-в-точь такая, как у меня... Даже тыквы, растущие на одном стебле, и то отличаются либо по форме, либо по размеру».

Стараясь ничем не выдать своего беспокойства, дух обратился к Сунь У-куну:

— У Кун-сунь, откуда ты взял свою тыкву?

— А ты где достал свою? — вопросом на вопрос ответил Сунь У-кун, так как не знал, откуда взялась эта тыква и потому не смог ответить на вопрос духа.

А дух, ничего не подозревая, подробно рассказал Сунь У-куну историю тыквы:

— В начальный период сотворения мира, когда только что закончился первозданный хаос и

земля была отделена от тверди небесной, божественный владыка неба просветил богиню Нюй-ва, научив ее плавить камни для того, чтобы починить небо и спасти мир. Когда богиня Нюй-ва починила пролом в небесном дворце, она увидела у подножия Куэньлуньских гор вьющийся стебель, на котором росла тыква из пурпурного золота. Вот эту тыкву и хранит по сей день великий Лао-цзюнь.

Выслушав его, Великий Мудрец сказал:

— Ну, и моя тыква такого же происхождения.

— Откуда это тебе известно? — усомнился дух.

— Когда чистота была только что отделена от грязи, — сказал Сунь У-кун, — и на небе не было ни севера, ни запада, а на земле востока и юга, божественный владыка неба внушил Нюй-ва мысль починить небо. Когда пролом в небе был заделан, она дошла до Куэньлуня и на тыквенном стебле нашла две тыквы: одну — мужского начала, другую — женского. Тыква мужского начала попала ко мне, а женского — к тебе.

— Ладно, не все ли равно, которая из них мужского и которая женского начала, — сказал дух — Будем считать настоящим талисманом ту из них, которая обладает способностью улавливать людей.

— Совершенно с тобой согласен, — молвил Великий Мудрец. — Уступаю тебе право первому произносить заклинание.

Дух очень обрадовался, подпрыгнул в воздух и крикнул: — У Кун-сунь!

На этот зов Великий Мудрец откликнулся раз девять подряд, однако талисман не оказал никакого действия, и он по-прежнему оставался на земле.

— О небо! — опустившись на землю, топая ногами и колотя себя в грудь, застонал дух. — Обычай, установленные веками, не подвержены изменениям. Даже мой волшебный талисман, и тот испугался мужского начала.

— Ну что же, возьми пока свой талисман, — сказал смеясь Сунь У-кун. — Теперь моя очередь звать тебя!

И, сделав прыжок, он взвился в небо. Там, перевернув тыкву вверх дном, а горлышко направив на землю, где стоял дух, он крикнул:

— Дух с Серебряными рогами!

Дух не осмелился промолчать, откликнулся и тотчас же очутился в тыкве. А Сунь У-кун поспешил закупорить отверстие полоской бумаги, на которой было написано заклинание: «По срочному повелению великого божественного Лао-цзюня».

— Ну что ж, дружок. — торжествовал Сунь У-кун — Придется тебе сегодня испытать нечто такое, чего ты никогда не испытывал.

После этого Сунь У-кун спустился на облаке вниз и, думая лишь о том, как спасти учителя, с тыквой в руках направился к пещере Цветов лотоса. Горная дорога, по которой он шел, изобиловала неровностями: то опускалась в долину, то подымалась вверх. К тому же Сунь У-кун, как все обезьяны, был колченогим, а поэтому шел, переваливаясь из стороны в сторону. Тыква при этом раскачивалась и из нее непрерывно доносилось бульканье. Читатель, возможно, удивится. Но мы постараемся рассеять его сомнения. Дело в том, что Великий Мудрец, прошедший однажды сквозь огонь, теперь уже не был подвержен его моментальному воздействию. А дух, хотя и обладал волшебной способностью летать на облаках, но тело его ничем не отличалось от тела простого смертного. Поэтому, попав в тыкву, он тотчас же расплавился. Однако Сунь У-кун не поверил этому.

— Сынок, — сказал он смеясь, — то ли ты справил малую нужду, то ли все время плюеешься. Все эти штуки я сам проделывал. Но не беспокойся, я открою тыкву не раньше как деньков через семь-восемь, когда от тебя останется одна водичка. К чему спешить? Как вспомню о том, как счастливо удалось мне выбраться оттуда, так мне нет охоты заглядывать в тыкву по крайней мере в течение тысячи лет. Беседуя сам с собой, Сунь У-кун незаметно добрался до пещеры. Здесь он еще раз потряс тыкву, но бульканье не прекращалось.

«А эта тыква похожа на сосуд, употребляемый при гадании, — подумал Сунь У-кун. — Попробую-ка я узнать, когда учитель наш освободится».

И он начал трясти тыкву, приговаривая:

— Вэнь-ван, составитель книги Чжо-и, святой Конфуций, Царица неба — владычица персиков бессмертия, великий Гуй Гу-цзы.

Увидев Сунь У-куна, духи-служители бросились к своему повелителю.

— Великий господин! — доложили они. — Беда! У Кун-сунь захватил в тыкву вашего лучшего друга и теперь гадает!

Услышав это, начальник до смерти напугался. От страха у него даже подкосились ноги и, бросившись на землю, он, рыдая, запричитал:

— Мудрый брат мой! Мы с тобой самовольно покинули небо в надежде на то, что будем вести на земле жизнь, полную удовольствий и роскоши. Кто мог знать, что этот монах погубит тебя и так печально кончится наша братская любовь!

Тут все обитатели пещеры заголосили, вторя своему господину. А висевший под балкой Чжу Ба-цзе не удержался и сказал:

— Слушай, дух! Перестань хныкать, послушай лучше, что я скажу. Сунь У-кун, Кун У-сунь и, наконец, У Кун-сунь — все это лишь перестановка трех иероглифов одного и того же имени моего старшего брата. Он обладает способностью семидесяти двух превращений. Ему удалось проникнуть в твою пещеру, завладеть твоими талисманами и захватить твоего брата. Брат твой теперь уже мертв и нечего тебе так убиваться. Лучше помой живее котлы, прочисти очаги, приготовь шампиньоны, грибы, чайные побеги, молодые побеги бамбука, бобовый сыр, лапшу, древесные грибы и другие овощные блюда и пригласи нашего учителя вместе с нами отслужить панихиду.

Слова Чжу Ба-цзе привели в ярость первого начальника духов.

— Я думал, что Чжу Ба-цзе — честный парень, — сказал начальник, — а он, оказывается, негодяй! Он даже позволяет себе издеваться надо мной! Эй, слуги! — приказал он. — Хватит вам плакать. Снимите Чжу Ба-цзе и сварите его. Сначала я наемся досыта его мясом, а потом отправлюсь отомстить Сунь У-куну.

— Ну, что, достукался! — ворчал в это время Ша-сэн на Чжу Ба-цзе. — Сколько раз говорил тебе: не болтай зря. Вот видишь, теперь тебя за это сварят!

А надо вам сказать, что Дурень и сам не на шутку перепугался.

— Господин начальник! — крикнул тут один из духов. — Чжу Ба-цзе не сварится!

— Боже милостивый! — воскликнул Чжу Ба-цзе. — Кто это из моих старших братьев увеличивает свое счастье в будущей жизни, произнося такие слова? Ведь меня действительно трудно сварить.

— Надо с него содрать шкуру, — посоветовал другой дух.

— Зачем же? Меня и так можно сварить! — поспешил вмешаться Чжу Ба-цзе. — Кожа и кости у меня, правда, грубоваты, но в кипятке они сразу же разварятся. О, я бедный, несчастный!

В это время в пещере появился еще один дух.

— У Кун-сунь стоит у ворот и ругается на чем свет стоит, — сообщил он.

— Этот негодяй совершенно не желает считаться со мной, — испуганно сказал первый начальник. — Ребятки! — крикнул он. — Оставьте пока Чжу Ба-цзе в покое, пусть висит себе на балке, а вы лучше посмотрите, сколько у нас осталось волшебных талисманов.

— По-моему, штуки три, — ответил дух-распорядитель.

— Какие же именно? — спросил первый начальник.

— Семизвездный меч, банановый веер и кувшин для омовения рук.

— Ну, кувшин больше не годится, — сказал первый начальник. — Он действует лишь в том случае, когда люди откликаются на зов. Секрет этого заклинания Сунь У-куну уже известен, поэтому-то мой брат и оказался жертвой. Нет, этот талисман я не возьму. Несите мне поскорее меч и веер.

Дух-распорядитель выполнил приказание. Первый начальник взял веер, заткнул его за воротник, а меч зажал в руке. Затем он выстроил в ряд всех духов. Их оказалось более трехсот человек. Каждому из них он приказал взять пику или палицу, веревку или меч. Старый дух надел шлем и кольчугу, а поверх — блестящий пурпурного цвета халат. Духи были выстроены в боевом порядке и приготовились к бою с Великим Мудрецом.

А Великий Мудрец между тем, зная, что второй дух находится в тыкке, крепко привязал ее к поясу и, держа посох наготове, тоже приготовился к битве. Старый дух с развевающимся знаменем в руках вышел из пещеры:

Шлем с кистями, искрометный;

Яркий пояс, многоцветный;

Из драконьей чешуи

Драгоценная кольчуга

Грудь охватывает туго:

Не страшны ему бои.

А поверх — халат пурпурный,

Словно алый пламень бурный;

Из округлых злых зрачков

Молнии свирепо блещут,

И усы стальные хлещут

Черным дымом завитков.

Семицветный меч железный

Подымает он над бездной,

Словно перышко, легко,
Рык его, подобный грому,
По всему лицу земному
Раздается далеко.
Он в движеньях, словно туча,
Что, закрыв утес могучий,
К морю, грозная, плывет;
Веер из листа банана
То раскроет он нежданно,
То к груди легко прижмет.

Первый начальник тотчас же приказал своим подчиненным выстроиться в боевом порядке.

— Ты, обезьяна, совсем обнаглела! — гремел он. — Погубила моего младшего брата! Верного моего помощника! Убить тебя за это мало!

— Ты — низкое, подлое чудовище! Сам ищешь своей смерти! — заорал, в свою очередь, Сунь У-кун. — Что стоит жизнь какого-то там духа, когда мой учитель и мои братья вместе с конем подвешены к балке в твоей пещере? Разве могу я это стерпеть? Я пощажу твою собачью душу лишь в том случае, если ты сейчас же освободишь их и, кроме того, еще дашь нам денег на дорожные расходы и проводишь нас.

Такого оскорбления начальник духов не в силах был снести и, нацелившись прямо в голову Сунь У-куну, взмахнул мечом и нанес ему удар. Но Сунь У-кун успел поднять свой посох и ринулся на противника. И вот у пещеры разгорелся ожесточенный бой:

Посох с золотыми ободками
И волшебный меч стальной, тяжелый,
Состязались ревностно в сраженье,
Землю покрывали облаками,
Затемняя и хребты и доли:
Задрожали люди от смятенья.
Был один боец охвачен мстью:
Не прощал врагу он смерти брата,

И теперь не ведал снисхожденья;
Для другого — было делом чести
Биться за того, чье имя свято,
Кто на Запад шел для поклоненья.
Оба яркой злобой пламенели,
Мстительные, бились исступленно,
Применив военное умение;
Духи же от страха цепенели,
Как при схватке тигра и дракона,
Даже солнце спряталось в смущенье.
У того из глаз струилось пламя;
Шлифовались зубы у другого, —
Только яшмы слышалось скрипенье...
Были оба славными бойцами,
И взлетали в поединке снова
Меч и посох в яростном вращенье.

Уже раз двадцать схватывались противники, однако так и нельзя было сказать, кто победит. Тогда дух, указывая мечом на противника, крикнул:

— Ну, ребята, вперед!

И более трехсот духов ринулись вперед, окружив Сунь У-куна. Однако это несколько не напугало нашего Мудреца. Он храбро орудовал своим посохом, разил врагов направо и налево, успевая в то же время отбивать удары, сыпавшиеся на него со всех сторон. Но у духов были свои, особые приемы боя, и постепенно они начали побеждать. Духи словно ватой обложили Сунь У-куна со всех сторон, тащили его, хватали за ноги и даже не думали отступать. Великий Мудрец заволновался и решил пустить в ход волшебство. Выдернув у себя пучок волос, он разжевал их на мелкие кусочки и, выплюнув, крикнул:

— Изменитесь!

В тот же миг появились тысячи Сунь У-кунов. Те, которые были побольше, действовали посохом, которые поменьше — работали кулаками. А самые маленькие, которым уже не оставалось места для действия, стали прокусывать духам жилы. Такого натиска духи не

выдержали.

— О господин! — взмолились они. — Плохи наши дела! Сил больше нет. Куда ни глянешь, везде Сунь У-кун!

Так Сунь У-куну удалось отогнать духов. Бросив на произвол судьбы своего окруженного врагами начальника, они бежали куда глаза глядят.

Старый дух пришел в замешательство, однако тут же нашелся и, не переставая размахивать мечом, правой рукой вытащил из-за ворота банановый веер. Затем он взглянул на ярко пылающее солнце, на свой дворец и с треском раскрыл веер. В тот же миг всю землю объяло пламя; здесь следует сказать, что банановый веер был талисманом, с помощью которого можно было вызывать огонь. Старый дух был жесток. Он несколько раз махнул веером, и пламя охватило небо.

Не был тот огонь ниспослан с неба,

И огнем домашней печи не был,

В очаге не бился утром рано;

Не вставал над головой вулкана;

Это был огонь иной, священный,

Слитый из пяти стихий вселенной.

Этот веер из листа банана

Наделен был силой талисмана,

Не был он созданием рукотворным:

В миг, когда сам хаос лег покорным,

Он возник, украсив мирозданье.

Взмах его рождал огня блистанье —

Огненное море в Поднебесной,

Мир пронзая молнией чудесной

Алым шелком тот огонь клубился,

Красною зарею золотился,

Но ни струйки дыма не мелькало

На завесе золотисто-алой.

Ослепляло это пламя взоры,
Полымем охватывало горы,
И в лесах забушевало пламя,
Загорелись сосны фонарями,
И, жалея роскошь оперенья,
Птицы ввысь взлетали для спасенья,
И бежали звери по дороге,
Покидая норы и берлоги,
Даже камня расплавлялось тело —
Вся земля в том пламени горела.

Великий Мудрец пришел в ужас при виде этого зловещего зрелища.

— Дело дрянь! — воскликнул он. — Сам-то я еще выдержу, а вот волоски мои пропадут. В таком адском огне они сгорят в два счета!

Сунь У-кун встряхнулся, произнес заклинание и водворил выдернутый пучок шерсти на место. Лишь один волосок он оставил в виде собственного подобия, заставив его спастись от огня. Себя же он обезопасил заклинанием и, сделав прыжок вверх, ринулся к пещере Цветов лотоса.

Все помыслы его были устремлены на то, чтобы спасти учителя. В миг очутился он у пещеры и, спустившись на облаке вниз, увидел множество духов. Боже, во что они превратились! Проломленные черепа, перебитые ноги, израненные тела. Эти несчастные существа испускали душераздирающие вопли. При виде их Сунь У-кун еще больше рассвирепел и, яростно размахивая своим посохом, ринулся вперед. И, увы! Он забыл о своем человеческом облике, который приобрел путем неисчислимых испытаний, и снова превратился в покрытое шерстью звероподобное существо. Покончив с духами, Великий Мудрец ворвался в пещеру. Но и тут все было охвачено огненным сиянием, От страха у Великого Мудреца подкосились ноги.

— Все кончено, — воскликнул он. — Огонь проник в пещеру и все сжег! Теперь уж мне не спасти учителя!

Однако постепенно Сунь У-кун стал приходить в себя и осмотрелся кругом. И вдруг, к своему великому удивлению, он обнаружил, что это не огонь, а золотое сияние. Тут он окончательно успокоился и, присмотревшись повнимательнее, увидел, что сияние это излучает кувшин, сделанный из белоснежного нефрита.

«Какой великолепный талисман! — с восхищением подумал он: — там, в горах, он тоже излучал сияние, я отобрал этот кувшин у духа, но через некоторое время он отнял его у меня и

спрятал здесь».

С Сунь У-куном творилось что-то невообразимое. Он схватил кувшин и, забыв об учителе, бросился к выходу. Но не успел он выйти из ворот, как увидел перед собой старого духа, который, держа в руках меч и веер, приближался к пещере с южной стороны. Сунь У-кун хотел ускользнуть, но дух взмахнул мечом и ударил его. Великий Мудрец совершил прыжок в высоту и бесследно исчез.

Оставим его пока и расскажем о том, как старый дух, подойдя к пещере, увидел валявшихся на земле раненых и убитых. Он пришел в полное отчаяние и, устремив взор к небу, тяжело вздохнул:

— О горе! О несчастье!

О том, что произошло, сложены стихи:

Ненавистный и упрямый,
И подобный обезьяне,
Из чудесной оболочки
Он спустился в мир страданий.
И в таком перерожденье
Был удел его печальный;
Позабыл он, заблуждаясь,
Образ свой первоначальный.
Словно лебедь, потерявший
На пути родную стаю,
Горько плача, говорил он;
«Я тоскую, я страдаю!
Потеряв свою дружину,
Я плачусь за преступленья,
Но когда же я достигну
Искупленья и прощенья!
И для странника земного

Скоро ль кончатся дороги,

Чтоб вернуться просветленным

В те небесные чертоги!»

Горю и стыду старого духа, казалось, не было предела. Едва волоча ноги, он с плачем поплелся в пещеру. Здесь все было как и прежде, все вещи стояли на своих местах, поражала лишь глубокая тишина: кругом не было ни души. Это еще больше опечалило старого духа. Он бессильно склонился на каменный стол, поставил свой меч и, заткнув за ворот веер, погрузился в глубокий сон. Не зря говорят: «Радость заставляет человека ликовать, грусть — навеивает сон».

Однако вернемся к Великому Мудрецу. Вскочив на облако, он долго в раздумье стоял перед горой, размышляя о том, как бы ему спасти учителя. Наконец он крепко-накрепко привязал к поясу кувшин, решив вернуться к пещере и разведать, что там творится. Очутившись у пещеры, он увидел, что ворота распахнуты настежь. Кругом стояла мертвая тишина. Осторожно ступая, Сунь У-кун вошел внутрь и неожиданно увидел старого духа, который, облокотившись на каменный стол, громко храпел. Из-за воротника у него торчал банановый веер, прикрывая половину головы, а рядом, у стола, стоял семизвездный меч. Сунь У-кун осторожно подошел к духу и потихоньку выдернул у него из-за воротника веер. Однако тут же бросился бежать к выходу. Дело в том, что ручка веера зацепилась за волосы духа, и тот, конечно, сразу же проснулся, поднял голову и, увидев, что Сунь У-кун выкрал веер, схватил меч и бросился за ним вдогонку. Но Сунь У-кун успел выбежать из пещеры. Воткнув веер за пояс, он начал обеими руками размахивать своим посохом и приготовился к бою с духом. Между ними разгорелся ожесточенный бой:

Князь духов был разгневан до предела,

И шапка на главе не усидела.

Он Сунь У-куна проглотить хотел:

«О злая тварь! Смирись, пока ты цел!

Весь полон ты насмешкой и обманом,

А нынче ты пришел за талисманом!

Не счесть мне слуг, погубленных тобой,

И потому — начнем смертельный бой!»

А Сунь У-кун отвечивал сердито:

«Чем только голова твоя набита!

Мой жалкий, неспособный ученик,

Из-за чего ты поднимаешь крик?

Со мной, чье имя издавна почтенно,
Ты в смертный бой вступаешь дерзновенно?
Гранит покрепче дюжины яиц,
И ты падешь передо мною ниц!»
Меч с посохом по воздуху летали,
И жалости враги в бою не знали,
Волчком вертелись, бились так и сяк.
Являя мастерство своих атак.
Учитель шел за свитками Писаний,
Чтоб Будде поклониться на Линшани;
Из-за него великая вражда
Возникла у противника тогда,
Подобная вражде огня с металлом;
Все пять стихий в смятении немало —
Противники владеют силой чар.
Рождает бурю мастерской удар;
Уж в небе солнце начало садиться,
А на земле все так же битва длится.
Все ж наконец, совсем лишившись сил,
Владыка духов первым отступил.

Раз сорок схватывались противники. День клонился к вечеру. Наконец дух понял, что ему не устоять против Сунь У-куна. Мы не будем подробно рассказывать о том, как он бросился бежать на юго-запад, к пещере Поверженного дракона.

Расскажем лучше о Великом Мудреце. Он спустился на облаке, вбежал к пещеру Цветов лотоса и освободил Танского монаха, Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, которые рассыпались в благодарностях перед своим спасителем.

— Куда же девались духи? — спросили они наконец.

— Второй начальник духов сидит в тыкве, и теперь от него осталась одна водичка, — отвечал

Сунь У-кун. — Первого начальника я победил в бою, и он бежал на юго-запад, в направлении горы Поверженного дракона. Младших духов я перебил почти всех. Некоторые из них, раненые, прибежали в пещеру, и тут я добил их. Вот почему мне и удалось освободить вас.

Танский монах без конца выражал ему свою благодарность.

— Ученик мой! — говорил он: — Как много тебе пришлось потрудиться из-за меня.

— Верно, — отвечал Сунь У-кун смеясь, — поработать пришлось изрядно. Ведь вы страдали только от того, что были подвешены. Я же ни минуты не оставался в покое. Бегать мне пришлось куда больше, чем солдатам, обслуживающим почтовые станции. Лишь благодаря тому, что я выкрал у старого духа волшебный талисман, мне удалось изгнать его из пещеры.

— Брат, а ты дай нам взглянуть на твою тыкву, — попросил Чжу Ба-цзе. — Наверное, второй дух уже растворился там.

Великий Мудрец отвязал от пояса кувшин, затем вынул золотой шнур и веер и наконец достал тыкву.

— Только открывать ее пока не надо, — сказал он. — Ведь когда второй дух захватил меня в эту тыкву, я напустил слюны, а он подумал, что я растворился, и открыл крышку. Благодаря этому мне удалось выбраться на свободу. Нет, сейчас никак нельзя открывать крышки, иначе он ускользнет.

После этого учитель и ученики пришли в прекрасное расположение духа, разыскали в пещере рису, муки, овощей, разожгли очаг, приготовили себе постной пищи и наелись досыта. Затем они улеглись спать, и ночь прошла без особых происшествий.

Наступил следующий день. Тут следует еще сказать, что, когда старый дух прибыл к горе Поверженного дракона, он собрал там всех духов-служанок и рассказал им подробно о том, как была убита колдунья-мать, захвачен его брат, как были уничтожены все его подчиненные духи и как, наконец, у него украли волшебные талисманы. Выслушав все это, служанки зарыдали. Они долго плакали, пока наконец старый дух не сказал им:

— Хватит вам убиваться. У меня еще остался один талисман — семизвездный меч. Сейчас я хочу возглавить ваш отряд. Мы сначала пройдем за гору Поверженного дракона, там попросим помощи наших родичей и непременно отомстим Сунь У-куну.

Едва успел он это сказать, как появилась привратница.

— Господин начальник! Ваш дядюшка, живущий за горой, прибыл во главе отряда, — доложила она.

Услышав это, старый дух облачился в траурное платье и, низко кланяясь, вышел встречать своего родственника.

Этот дядюшка приходился младшим братом его матери и звали его князь Ху Аци. Дозорные служанки сообщили ему, что Сунь У-кун убил его сестру, принял ее образ и, выкрыв волшебные талисманы у его племянника, вот уже несколько дней подряд ведет бой за гору Пиндиншань. Услышав об этом, дядюшка собрал отряд в двести воинов и поспешил на помощь племяннику. Однако сначала он решил побывать в доме у сестры, чтобы разузнать, что произошло. Когда он вошел в пещеру и увидел старого духа в траурной одежде, он не выдержал и расплакался. Вместе с ним заплакал и старый дух. Затем он совершил перед дядюшкой поклоны и рассказал обо всем, что здесь произошло. Выслушав это, дух Ху Аци рассвирепел. Он приказал своему племяннику снять траур, взять меч и собрать отряд из духов-женщин. Когда все было сделано, они, оседлав облака, что было мочи помчались на северо-восток.

Как раз в это время Великий Мудрец велел Ша-сэну приготовить завтрак, чтобы подкрепиться и выступить в путь. Вдруг до их ушей донеслось завывание ветра. Они вышли из пещеры и увидели отряд духов, мчавшийся прямо к ним. Великий Мудрец встревожился.

— Брат! — крикнул он Чжу Ба-цзе, поспешно вернувшись в пещеру. — К этому духу прибыло подкрепление!

От отчаяния Трипитака даже в лице изменился.

— Ученик мой! Что же теперь делать?! — воскликнул он.

— Ничего, успокойтесь, учитель, — сказал смеясь Сунь У-кун. — Дайте мне все их волшебные талисманы.

С этими словами Великий Мудрец крепко привязал к поясу тыкву и кувшин, золотой шнур положил в рукав, а веер заткнул за ворот и в руки взял свой посох.

Ша-сэну он приказал оставаться в пещере и охранять учителя, Чжу Ба-цзе велел вооружиться граблями, а сам взял посох и вместе с Чжу Ба-цзе вышел навстречу противнику.

Дух тем временем тоже приготовился к сражению и выстроил свой отряд в боевом порядке. Сунь У-кун увидел перед собой князя Ху Аци. У князя было белое, как нефрит, лицо, обрамленное длинной бородой, жесткие, как сталь, брови и уши, словно два жала. Голову его покрывал шлем из литого золота. Сам он был одет в кольчугу, в руках держал алебарду.

— Вот я тебе покажу, низкая, подлая обезьяна! — за-гремел он — Как ты посмела оскорблять людей! Ты украла волшебные талисманы, погубила моих родственников, перебила духов-воинов, а теперь еще осмелилась захватить пещеру! Сейчас же протягивай свою шею, и я казню тебя, чтобы отомстить за свой род!

— Ах вы мерзкие чудовища! — закричал, в свою очередь, Сунь У-кун. — Вы что же не знаете способностей вашего деда Суня? Ни с места! Сейчас вы познакомитесь с моим посохом!

Однако дух успел уклониться, избежал удара и, взмахнув алебардой, налетел на противника. И вот между ними в горах завязался бой. Они то насакивали друг на друга, то отступали. После трех-четырех схваток дух почувствовал, что теряет силы, и бежал с поля боя. Сунь У-кун бросился было за ним вдогонку, но путь ему преградил старый дух, и Сунь У-куну пришлось вступить с ним в бой. После трех схваток он заметил, что дух Ху Аци вернулся и снова устремился в атаку. Но Чжу Ба-цзе своими граблями преградил ему путь. Тогда между ними также завязалась борьба. Они бились очень долго, но так и нельзя было сказать, на чьей стороне перевес. Наконец старый дух что-то крикнул, и его тотчас же окружили подчиненные. Вернемся, однако, к Трипитаке. Как вам известно, он оставался в пещере Цветов лотоса и теперь слышал отчаянный шум и крики, потрясавшие землю.

— Ша-сэн, — сказал он, не вытерпев. — Сходи разузнай, как там дела.

Ша-сэн взял посох, усмиряющий духов, и выбежал из пещеры. Издав боевой клич, он ринулся на духов, и ему удалось разогнать их. Дух Ху Аци понял, что дело плохо, повернул и бросился бежать. Но тут его нагнал Чжу Ба-цзе и, размахнувшись своими граблями, нанес ему такой удар, что у того сразу из девяти ран брызнула кровь. Только одна настоящая душа Ху Аци устремилась вперед! И когда Чжу Ба-цзе оттащил труп в сторону и снял с него одежду, он увидел перед собой оборотня-лисицу.

Увидев, что дядя убит, старый дух бросил Сунь У-куна и, взмахнув своим мечом, ринулся на Чжу Ба-цзе. Однако тот вовремя успел отразить удар граблями. И вот, когда бой был в самом разгаре, появился Ша-сэн. Взмахнув посохом, он ударил духа. Против такого натиска дух не мог устоять, взвился на облако и исчез в южном направлении. Чжу Ба-цзе и Ша-сэн ринулись за ним.

А Великий Мудрец, заметив, что дух убегает, совершил прыжок в облака и здесь, направив на него свой волшебный талисман-кувшин, крикнул:

— Золоторогий князь!

Дух решил, что его зовет кто-нибудь из подчиненных духов, пострадавших в бою, откликнулся на зов и в миг очутился в кувшине. Сунь У-кун тотчас же запечатал его полоской бумаги с заклинанием: «По срочному повелению великого божественного Лао-цзюня». Вдруг Сунь У-кун заметил, что семизвездный меч упал на землю, и бережно поднял его.

— Дорогой брат, — обратился к нему Чжу Ба-цзе, — меч у тебя, а где же сам волшебник?

— Все в порядке! — отвечал смеясь Сунь У-кун. — Он у меня в кувшине.

Услышав это, Ша-сэн и Чжу Ба-цзе возликовали. И так, покончив со всей этой нечистой силой,

они вернулись в пещеру.

— Учитель, — радостно сообщили они Трипитаке, — теперь горы свободны. Вы можете садиться на коня, и мы отправимся дальше.

Трипитака не мог скрыть своей радости. После завтрака они собрали вещи, Трипитака сел на коня, и они двинулись в путь на Запад.

Неожиданно они увидели на дороге слепого старца, он подошел к ним, остановил коня Трипитаки и сказал:

— Куда путь держишь, монах? Возврати мне мои волшебные талисманы!

— Ну, все кончено! — испуганно сказал Чжу Ба-цзе. — Это старый дух явился за своим талисманом!

Однако, внимательно присмотревшись, Сунь У-кун признал в нем великого Лао-цзюня и, выступив вперед, поспешил совершить перед ним поклоны.

— Почтенный старец, — молвил он, — куда путь держите?

Тут старец мгновенно вознесся на девятое небо в нефритовые чертоги и воссел на трон.

— Сунь У-кун, — сказал он, — верни мои волшебные талисманы!

— Какие талисманы? — спросил Сунь У-кун, поднявшись вслед за ним на небо.

— Тыква — это сосуд, в котором я хранил эликсир бессмертия, — молвил старец. — В кувшине я держал воду. Меч я использовал для переплавки духов, веером поднимал огонь, а шнур служил мне поясом. Один из этих духов прислуживал у моей золотой печи, другой — у серебряной. Они выкрали у меня эти талисманы, сбежали на землю, и я никак не мог узнать, где они находятся. Лишь благодаря тебе мне удалось установить это. Ты оказал мне огромную услугу.

— Нельзя сказать, чтобы ты, почтенный старец, отличался особой вежливостью! — сказал Сунь У-кун. — Распустил своих слуг, а они сошли на землю и превратились здесь в нечистую силу. Тебя следовало бы наказать за плохой надзор за подчиненными.

— Ты меня в это дело не впутывай, я тут ни при чем, — отвечал старец. — Это бодисатва с Южного моря три раза обращалась ко мне с просьбой одолжить ей этих подростков. Вот их-то она и превратила в духов для того, чтобы испытать вашу волю и решимость.

— А эта бодисатва, оказывается, вероломна, — сказал, выслушав его, Сунь У-кун. — Когда она освободила меня из заточения и велела мне охранять Танского монаха во время его паломничества за священными книгами, я говорил ей, что дорога эта трудная и сопряжена с большими опасностями. Она обещала мне в самые трудные моменты приходить нам на помощь. А теперь вместо этого подсылает к нам всякую нечисть. Может быть, это и нехорошо, но могу пожелать ей только одно — всю жизнь сидеть без мужа! Если бы вы сами не пришли за этими талисманами, почтенный старец, я никому не отдал бы их. Ну, а раз уж вы откровенно рассказали мне все, забирайте их себе.

Получив свои пять талисманов, старец раскрыл тыкву и кувшин, выпустил содержащийся в них дух бессмертных и, указав на него пальцем, превратил его в двух подростков, золотого и серебряного, которые тут же стали по обеим сторонам от него. Тотчас же воздух озарился золотым сиянием.

Легко ступая, вместе с Лао-цзюнем они направились во дворец Тушита и, забыв все заботы, в состоянии полного блаженства, поднялись на небо Дало.

Если вы хотите узнать о том, что с нашими паломниками происходило дальше, как Великий Мудрец сопровождал Танского монаха и когда им удалось добраться до Запада, прошу вас обратиться к следующим главам.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/287319>